

С того дня отношение Фан Юаня к Цзян Хэну стало едва уловимо меняться.

За обеденным столом Цзян Хэн по-прежнему оживлённо рассказывал о воспоминаниях, которые приходили к нему с каждым днём. Но теперь Фан Юань уже не просто молча слушал, опустив глаза, ограничиваясь редкими «угу» и «ага». Он начал отвечать более развёрнуто.

И так монолог Цзян Хэна постепенно превратился в их диалог.

Хотя воспоминания возвращались лишь к Цзян Хэну в его снах, Фан Юань, слушая неторопливые рассказы о прошлом, чувствовал, будто и его собственная память оживает. Из черно-белого, тусклого полотна прошлое постепенно обретало утраченные краски.

Всплывали не только тягостные воспоминания — странные, забавные и даже невероятные события тоже оживали в сознании.

Порой, пробуждаясь ото сна, Фан Юань с иронией вспоминал, как постигал в апокалипсисе философию А-Кью¹ — по крайней мере, теперь не нужно было вставать ни свет ни заря, перерабатывать, стрессовать, успевать до дедлайна.

Цзян Хэн же не уставал роптать — бремя сверхспособностей оказалось непосильной ношей. Его жизнь после апокалипсиса стала куда напряжённее прежней: если раньше на работе можно было вставать в восемь утра, то теперь, с ночными дежурствами обладателей аномальных способностей, подъём в шесть-семь стал обыденностью.

Прошла неделя, и Фан Юань неожиданно ощутил желание выйти наружу — быть может, виной тому было влияние Цзян Хэна.

До этого, даже пребывая в спокойном расположении духа, он не видел смысла в подобных бесцельных действиях. Лишь необходимость вынести мусор или закупить продукты, да редкие приступы желания съесть чего-нибудь конкретного заставляли его покидать дом — настоящий затворник.

Цзян Хэн вышел вместе с ним, прикрыв татуировку на правой руке перчаткой от солнца.

— Куда направимся? — осведомился он.

Фан Юань пожал плечами.

— Просто пройдемся куда глаза глядят.

— Может, чем-нибудь займёмся?

— Полюбуемся видами, — ответил Фан Юань.

Цзян Хэну изначально казалось, что с пейзажами он уже наглядился вволю.

В мире после катастрофы именно красивых видов было в избытке — упадок человечества первым делом вернул природе её былую мощь.

Величественные горы и стремительные реки, стрекот насекомых и птичьи трели — всё кипело жизнью, а лианы и дикие травы всюду отвоёвывали у городов их территорию.

Дойдя до въезда в деревню, Фан Юань присел за столик у чайной лавки. Цзян Хэн, опускаясь рядом, вдруг осенило: пейзажи, которые хотел видеть Фан Юань, вовсе не были творениями природы.

Это были люди.

Чайная лавка располагалась прямо в центре рыночной площади. Сидя здесь, можно было охватить взглядом всю эту кипящую жизнь ярмарки — спешащих и неспешных прохожих. В этом отдалённом уголке ещё можно было увидеть запряжённые волами повозки и лошадей, фыркающих под тяжестью поклажи, которую тащили за собой люди.

Фан Юань сидел тут, неспеша щёлкая семечки и потягивая чай, наблюдая, как люди на местном диалекте торгуются с продавцами зелени, сельдерея и риса. Смотрел, как старики играют с детьми в песочнице, слушал зазывные крики торговцев леденцами, видел, как кто-то, проезжая на велосипеде, медленно прокрикивал что-то с одного конца улицы до другого.

Наблюдал за дымком, поднимающимся над крышами одноэтажных домиков, за разбросанными по земле гнилыми овощами и мусором, за тем, как кто-то яростно ругается из-за разбитых яиц, за женщинами, примеряющими на распродаже одежду из магазина «Всё по 350».

Слушал протяжные народные напевы, видел нищих, играющих на эрху у обочины, наблюдал, как хозяин лавки перебрасывается словами с гостями за соседним столиком, обсуждая деревенские сплетни и житейские мелочи.

Он смотрел с таким наслаждением, что даже опустошил всю тарелку с семечками. Снова потянувшись рукой, он нащупал уже не семечки, а пальцы Цзян Хэна.

Они подняли глаза и встретились взглядами, не в силах сдержать улыбок.

— Ещё взять? — спросил Цзян Хэн.

— Да, возьми мне арахиса.

Так они заказали ещё тарелку арахиса и тарелку эдамамэ². Владелец лавки, воспользовавшись моментом, принялся расхваливать свои закуски и жареную рыбу, предлагая попробовать пиво или прохладительные напитки вместо чая.

От пива Фан Юань отказался и просидел за столиком до самого вечера, пока солнце не начало клониться к закату, и лишь тогда они с Цзян Хэном собрались уходить.

По дороге домой у Цзян Хэна неожиданно возникла идея.

— А ведь я мог бы организовать свою лавку, — внезапно заявил он.

Фан Юань с удивлением посмотрел на него:

— Лавку? Ты наконец решил помочь мне расправиться с припасами на складе?

— Нет, — покачал головой Цзян Хэн. — Я думаю, что мог бы давать представления с фокусами.

С этими словами он прямо при Фан Юане продемонстрировал свой трюк — заставил исчезнуть предмет в руке, а затем вернул его обратно.

— Это ж читерство.

— Это называется одарённость.

И вот Цзян Хэн уже тем же вечером принялся за подготовку реквизита для фокусов.

Только на следующее утро он выглядел неважно.

— Мне приснилось самое досадное происшествие, — за завтраком Цзян Хэн казался невыспавшимся и подавленным. — Проснулся посреди ночи и так больше и не заснул...

— Что именно? — Фан Юань нервно сглотнул, внезапно подумав, не закончились ли на этом воспоминания.

Например, не увидел ли он свой последний миг...

— Помнишь ту супер-волну зомби через год после начала катастрофы?

Цзян Хэн отхлебнул кофе, но речь повел вовсе не о ужасах.

— Конечно помню, — Фан Юань последовал за его мыслью. Такое не забывалось. — Тогда многие зомби эволюционировали: стали прыгучее, сильнее и проворнее. Они атаковали массово, погибли тысячи... Даже одно из наших убежищ пало...

Ему тогда просто повезло — отсиделся в подземном складе, потому и выжил.

— А я был среди тех, кто давал им отпор. Не в первых рядах, конечно, — медленно проговорил Цзян Хэн с привычной лёгкостью в голосе. — Самым действенным оружием тогда были взрывчатка и огонь. Вот тогда-то я... и обжёгся.

— Обжёгся? Сильно?

— Не то чтобы, но изуродовало изрядно, — Цзян Хэн провёл рукой по лицу, закрыв почти половину. — Вот эта часть почти вся сгорела. Выглядело ужасно!

Фан Юань замер в молчании.

Цзян Хэн, напротив, произнёс это с нарочитой лёгкостью, словно пытаюсь развеять его тревогу:

— Было поистине жутковато! Проснулся я в госпитале, взглянул в зеркало — и сам себя испугался! Перед зомби не робел, а тут чуть не сердечный приступ не словил от собственного уродства. Смешно, да?

Подшутив таким образом, он снова откусил огромный кусок гамбургера и, прищурившись, с напускным вздохом добавил:

— Эх, жаль только, что моё обаятельное и чертовски привлекательное лицо кануло в лету.

— Ты серьёзно? — не выдержал Фан Юань.

Цзян Хэн подмигнул ему:

— А то! Мне же приходилось смотреть на совсем нерадостные лица сослуживцев.

Фан Юань молча принялся за яичницу, на этот раз не поддерживая беседу. Рассеянность едва не заставила его перепутать сахар с солью.

Он вдруг вспомнил, где видел Цзян Хэна прежде.

В прошлой жизни он встретил его уже после того, как тот был изуродован. Именно поэтому черты лица казались столь знакомыми, но прийти к ответу не получалось.

Вот только...

Они встретились именно тогда, когда Фан Юаня загнали в угол... Именно Цзян Хэн его нашел и помог.

Без гроша за душой, с жалкими остатками еды и воды, тем, что осталось после бандитов... Он был на грани голодной смерти, когда наткнулся на отряд Цзян Хэна.

Без способностей, припасов, ценной информации да ещё и с травмированной лодыжкой — такой бесполезный балласт был не нужен ни одной команде.

Но Цзян Хэн неожиданно вступился за него, поручился и позволил остаться.

— Он хочет в город Е? А нам всё равно по пути. Возьмём его с собой, а по прибытии разойдёмся

Тогда Фан Юань не представлял ни своего местонахождения, ни расстояния до пункта назначения. Лишь при виде Цзян Хэна понял: спасён.

Он не знал имени спасителя, не ведал о его способностях и даже после получения помощи боялся заговорить, чтобы не показаться навязчивым попрошайкой.

Изуродованный Цзян Хэн носил маску, от него разило кровью и он казался таким свирепым... В памяти Фан Юаня он остался величественным, молчаливым и суровым герем.

Нынешний же Цзян Хэн... пусть и не меньший герой...

Но никак не вязался с тем молчаливым мужчиной в маске из его воспоминаний.

— Фан Юань? — Цзян Хэн, заметив наконец его отрешенность, взмахнул рукой перед его лицом. — Что-то не так?

— Ничего.

Фан Юань взглянул на него и решил пока сохранить всё при себе.

Раз Цзян Хэн ещё не вспомнил, он мог позволить себе сделать вид, что ничего не было.

Пристально глядя на него, Фан Юань осторожно спросил:

— Ну и как ты сегодня себя чувствуешь?

— В каком смысле?

— Ну, твое... ПТСР? Нашёл причину?

Он помнил, как в самом начале Цзян Хэн говорил, что причина его состояния в пережитых ужасах апокалипсиса.

Цзян Хэн также говорил, что полное восстановление памяти, возможно, поможет докопаться до истоков и исцелиться.

Теперь, когда всплыла даже история с изуродованным лицом, Фан Юань надеялся, что это и был тот самый предел ужаса.

— А это... — Цзян Хэн на мгновение задумался, затем покачал головой. — Никаких особых чувств. Ожог и шрамы — дело неприятное, но тогда я, по-моему, был чертовски брутален. Вряд ли это могло оставить травму.

Ага, конечно.

Фан Юань вздохнул.

Хотя, если подумать, тот Цзян Хэн в маске и вправду не производил впечатления глубоко травмированного человека. Несмотря на всю его суровую величественность, от него веяло скорее надёжностью и... теплотой.

Как ни странно, хоть тот Цзян Хэн и не отличался словоохотливостью, и его лицо практически не меняло выражения, Фан Юань почему-то чувствовал к нему необъяснимую близость. На пути в город Е он украдкой наблюдал за ним.

Он даже предполагал, что Цзян Хэн намного старше него, и питал к нему самые возвышенные фантазии и надежды. Даже после расставания ему несколько раз снилась та маска...

Нет, об этом. Об этих мыслях. Ни за что нельзя дать знать нынешнему Цзян Хэну.

Фан Юань молча принял за соевое молоко, с новой силой укрепившись в решении хранить секрет и похоронить его в самых глубинах души.

— Эй, а у тебя лицо немного покраснелось. Не заболел ли?

— Нет, просто жарко.

Лето уже вступило в свои права, и Фан Юань нашёл идеальную отмазку. С невозмутимым видом он подошёл к холодильнику, достал две банки ледяной колы, швырнул одну Цзян Хэну, а другую приложил к щеке.

На пару секунд он задержал взгляд на холодильнике. Странно, напитки уходят быстро, а он всё полный.

К счастью, ответ не заставил себя ждать и пришёл тем же вечером.

Щёлкнул выключатель. Фан Юань стоял у стены, прищурившись от света люстры, и смотрел на человека у холодильника.

— Что ты делаешь?

Цзян Хэн с двумя банками колы в руках выглядел невинно.

— Пополняю запасы... Ты что не спишь?

— Пополняешь?! — Фан Юань был шокирован и сбит с толку. — Это со склада или ты купил? Значит, все эти дни ты...

— Ага, купил в лавке, — Цзян Хэн поставил последнюю банку в задний ряд, с удовлетворением наблюдая, как холодильник заполняется до отказа. — Разве не испытываешь глубочайшего удовлетворения при виде такого?

Фан Юань устало потер лоб.

Ну нет, никакого удовольствия он не испытывал... Чертово ПТСР!

¹ Это отсылка к классическому персонажу китайской литературы — А-Кью (阿Q) из одноимённой повести Лу Синя (1921 год). Суть «философии А-Кью» (阿Q哲学) — самообман как способ психологического выживания. Грубая форма психологической защиты, когда человек, не способный изменить унижительную реальность, искажает её восприятие, чтобы сохранить лицо и чувство собственного достоинства. Часто сопровождается высокомерием по отношению к тем, кто ещё ниже по статусу. Фан Юань в постапокалиптическом мире, сталкиваясь с ужасами, использовал этот механизм. Вместо того чтобы впасть в отчаяние, он находил в ситуации абсурдные плюсы: по крайней мере, теперь не нужно рано вставать и нет работы.

² Эдамáмэ — варёные в воде или на парú прямо в стручках незрелые соевые бобы, популярная закуска японской кухни к пиву и прочим западным спиртным напиткам.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13880/1223957>